

Гу Цзин не мог поверить своим глазам. На мгновение ему показалось, что сердце остановилось.

Плечи его непрерывно дрожали, дыхание было тяжёлым, он до боли стиснул зубы и неотрывно смотрел на Хань Хуаня.

— А Хуань... — позвал он стоящего перед ним человека, чувствуя, как защипало в носу. Только когда пальцы Хань Хуаня скользнули по его лицу, Гу Цзин понял, что плачет.

Боль в этот миг была невыносимой. Резкая вспышка боли, поднявшаяся из желудка, ударила молнией. Гу Цзин обессиленно рухнул в объятия Хань Хуаня, в ушах зазвенело. Он видел, как губы держащего его человека шевелятся, но не слышал ни слова.

*

Глухой стук — упало что-то тяжёлое.

На широком диване сидели двое мужчин, прижавшись друг к другу. Нет, скорее один полулежал на груди другого, а тот бережно обнимал его.

Хань Хуань привычным движением достал из ящика лекарство и вложил в рот Гу Цзину, другой рукой успокаивающе похлопывая его по спине, чтобы тот не поперхнулся.

В восемнадцать-девятнадцать лет Гу Цзин отслужил два года в армии, но после увольнения — сигареты, алкоголь... тело уже не было прежним, и первым сдал желудок.

Хань Хуань тихо вздохнул, укутал обнажённый торс Гу Цзина в свою куртку, осторожно уложил его набок и собрался налить воды.

Чья-то рука ухватила его за полу.

— А Хуань... не уходи...

Хань Хуань обернулся, встретил расфокусированный взгляд Гу Цзина, шагнул было, но замер и вернулся.

— Я никуда не уйду. Я буду здесь, с тобой.

Разжав пальцы Гу Цзина, Хань Хуань приподнял верхнюю часть его тела и уложил к себе на колени, ладонью сильно и ритмично массируя мужчине желудок.

Это движение, похоже, обладало удивительным эффектом: Гу Цзин тихо застонал, и по выражению его лица нельзя было понять — боль это или удовольствие.

Рука у Хань Хуаня была тяжёлой, за годы работы с оружием грубая кожа покрылась мозолями. Вскоре окоченевшее, покрытое холодным потом тело Гу Цзина начало согреваться от массажа.

*

Гу Цзин открыл глаза, бессмысленно глядя на лицо Хань Хуаня, и из пересохшего горла вырвался невнятный зов:

— А Хуань.

Лежащий под ним тихо позвал его. Хань Хуань инстинктивно наклонил голову и, не успев раскрыть рта, наткнулся на мягкие губы, которые сами потянулись к нему.

Они были слишком близко. Так близко, что дыхание смешивалось.

Это был лишь мимолётный поцелуй, но он словно открыл где-то глубоко внутри скрытый клапан. Когда они отстранились, Хань Хуань ясно ощутил, как изменилось тело Гу Цзина, и тут же красивое лицо снова приблизилось к его глазам.

— Так холодно... правда, холодно...

— Ближе...

— А Хуань...

В беспорядочных поцелуях расстояние между ними сократилось ещё больше, тела плотно прижались друг к другу. В отличие от прежних лёгких касаний, Гу Цзин кончиком языка медленно очертил его губы, а затем, разжав стиснутые зубы, проник внутрь.

Сцена, полная неожиданной чувственности.

Контроль утерян.

Хань Хуань закрыл глаза. Во рту у него был привкус вина, смешанного с водкой, и остаточный холод льда. На нём была только рубашка, и беспокойная рука уже тайком приподняла её край, ледяные пальцы скользнули по поджарой талии.

— А Хуань.

В перерыве между вздохами Гу Цзин резко рванулся вперёд и оседлал его бёдра. Инстинкт самца брал верх, желание обладать почти подавляло всё.

Перехватив руку, пытавшуюся расстегнуть его ремень, Хань Хуань с загадочным выражением лица коснулся лба Гу Цзина. Тот был ледяным, температура явно низкая.

— Гу Цзин, ты устал.

Хань Хуань перевернулся, сбросив с себя мужчину, и легко поцеловал его в тонкие губы.

*

В комнате снова стало тихо.

Хань Хуань сел, подхватил Гу Цзина на руки и, взвесив, отметил, что за несколько лет тот почти не изменился. Даже неся взрослого мужчину, он ступал легко и уверенно — в сравнении с Гу Цзином здоровым казался именно он.

Он взглянул на тихо прильнувшего к его груди Гу Цзина: под запахом перегара ещё чувствовался мужской одеколон, в ноздри ударила полупряная нотка сандала. Дневные смятенные мысли снова нахлынули.

Он помнил, как впервые, случайно, Гу Цзин обнял его — тогда на юноше пахло потом. На учениях случилось несчастье, погиб товарищ. Парень подбежал к нему, в странном испуге стиснул в объятиях, весь дрожа.

Несколько лет спустя Хань Хуань случайно вспомнил этот случай и в ответ получил хитрую улыбку.

То был единственный раз, когда он видел Гу Цзина таким жалким.

Ладно, слово «жалкий» к мужчине, пожалуй, не подходит, но то неодолимое желание защитить — оно росло, его невозможно было сдержать.

Умение просчитывать чужие мысли — привычка, за которую второго господина Гу стоило похвалить.

*

В ванной Хань Хуань ловко стянул с Гу Цзина одежду и осторожно опустил его в ванну.

Поднялся пар.

Тёплая вода стекала по груди Гу Цзина, скользила по узкой талии и глубокому изгибу тела, чтобы в конце концов собраться в струйку и упасть на бледные бёдра.

Второй господин Гу, обычно закутанный в дорогие наряды, сейчас сидел в ванне совершенно обнажённый, незащищённый и обессиленный.

Это зрелище — он не видел его слишком долго. Миг — и, казалось, вспыхнули все воспоминания прошлого.

За два года армейской службы Гу Цзин ещё не был вторым господином из семьи Гу. Он смеялся и бранился наравне со сверстниками, блистал, вызывая зависть. А вот он, Хань Хуань, ещё в армии прославился своей холодностью и сохранил её до сих пор.

Мгновение — и минули годы. Он не изменился, а тот юноша теперь стал высокомерным, держащим в руках огромную власть вторым господином Гу.

Взгляд Хань Хуаня невольно загорелся, но в конце концов он лишь плотно завернул Гу Цзина в полотенце и отнёс на кровать.

Остаток ночи повторяющаяся лёгкая лихорадка, казалось, вытянула из Гу Цзина все силы. Мужчина крепко спал, и его безмятежное, словно у ребёнка, лицо сейчас выглядело особенно хрупким и юным.

Хань Хуань спустился вниз и принёс шприц со светло-зелёной жидкостью. Он ввёл её в шею Гу Цзина, а затем с лёгким усилием ударил рукой по определённой точке на затылке мужчины.

Это лекарство дал Хэ Чун. В сочетании с внешним воздействием на определённую зону затылка оно не только успокаивает, помогает уснуть, но и стирает несколько часов памяти. По словам полковника Хэ, это незаменимое средство и для дома, и для дороги, и для убийства, и для поджога.

Когда Гу Цзин проснётся, он решит, что просто перебрал с алкоголем и вырубился. Всё, что произошло между ними сегодня ночью, останется для него лишь обрывком бессвязного, нелепого сна.

Только он один будет помнить.

Почему-то Хань Хуань вдруг вспомнил фразу, прочитанную давным-давно.

— Потерять человека — значит больше никогда не разделить с ним мгновений близости.

Из всех мгновений близости, что они разделили за эти два года, осталась только эта ночь.

Хань Хуань прошёл в кабинет, с трудом отыскал в стопке бумаг папку с красной пометкой, открыл её, быстро сделал несколько снимков на телефон, прикрепил их к письму и отправил.

<http://bllate.org/book/18679/1804968>